

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

С. В. Мосолкин*

Политические процессы над эсерами в период революции 1905 г.

Судебные процессы, связанные с политической деятельностью в период 1905 г., очень ярко демонстрируют особенности правовой культуры России начала XX в.

Характерной чертой этого времени становится возрастающая роль партии эсеров в общем революционном движении и выход ее в массы. Партия набирает силы, занимаясь пропагандой и распространением прокламаций.

В условиях нарастающего революционного подъема в России в деятельности эсеров усиливается индивидуальный террор. В осуществлении террористических актов, кроме боевой организации, принимают участие и боевые дружины, созданные при ряде комитетов социалистов-революционеров (Гомельском, Одесском, Уфимском, Московском, Нижегородском и др.). Рост индивидуального террора не заменяет, а лишь дополняет массовую борьбу.

Политические процессы в суде в этот важный исторический момент в истории нашей страны носили массовый характер и имели ряд процессуальных особенностей. Еще в 1872 г. политические дела большей частью были изъяты из общего порядка судопроизводства. Только узкий круг дел был оставлен в компетенции судебных палат. Все прочие дела, если не считать исключительных случаев, когда полагалось назначать Верховный уголовный суд, перешли в ведение Особого при-
стутствия Правительствующего сената (далее — ОППС).

После Закона от 9 августа 1878 г. «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и некоторых преступлениях против должностных лиц в ведение военного суда, установленного для военного времени» деятельность ОППС сократилась. Но вновь оживилась в период революции 1905 г.: дело И. П. Каляева, социал-демократической фракции Государственной думы и многие другие дела.

ОППС состояло из председателя — первоприсутствующего и пяти сенаторов, а также сословных представителей, которых назначал царь по своему усмотрению¹. Разумеется, подбирались они с особенной тщательностью. Так, состав Сената, «которому было доверено такое ответственное дело, как суд над убийцей дяди государя» превзошел все ожидания. «Председательствовал уже сданный в архив бывший когда-то грозой политических процессов Дейер, для столь торжественного случая вытасненный из нафталина. В составе Сената был известный мракобес, бывший обер-прокурор синода Ширинский-Шахматов, бывший директор Департамента полиции и др.»².

Под стать сенаторам были и сословные представители. Дело слушалось в овальном зале здания судебных учреждений при строго закрытых дверях. Но это только так писалось, в действительности же было иначе. Зал, несмотря на свои размеры, был переполнен до отказа. «Но что это была за публика! Мундиры и эпо-

* Аспирант Саратовского государственного технического университета.

¹ См.: Учреждение Правительствующего сената. СПб., 1886. Т. I. Ч. 2. С. 15.

² *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах: записки защитника. М., 1931. С. 250.

леты повсюду. Казалось, что в зале не было никого чином ниже генерала военного или штатского. Весь старый „дряхлый мир”, доживавший свои последние „пятилетки”, был здесь налицо, пришел на собственные похороны¹.

Особое присутствие Правительствующего сената вело политические дела с большими отступлениями от Судебных уставов 1864 года. Закон разрешил ему судить обвиняемых «в публичном или закрытом заседании, по усмотрению суда»², а 4 февраля 1875 г. Высочайший указ предписал «по делам, производящимся при закрытых дверях присутствия», печатать «только постановленные судом резолюции»³.

Стоит отметить, что, несмотря на эти строгости, многие дела становились достоянием общественности. Именно адвокаты превратили процессы по делам над террористами в некое подобие средств массовой информации. Адвокаты были «независимым источником» — не обвинителями и не обвиняемыми. Они смотрели на ситуацию со стороны. Террористов защищали самые искусные и талантливые адвокаты России, их слово пользовалось огромным доверием.

М. Л. Мандельштам в мемуарах по этому поводу писал: «В числе обязанностей политического защитника, на наш взгляд, входило всеми доступными средствами давать самую широкую огласку процессам, слушавшимся при закрытых дверях»⁴. Часть материалов передавалась в нелегальную печать, кроме того, читался целый ряд рефератов о политических процессах как в столицах, так и в провинции в самых разнообразных слоях общества. Нельзя сказать, что это было безопасно, поскольку «прокуратура собирала сведения» о рефератах процессов, «но так как закон воспрещал только печатание их, то не могли возбудить процесса»⁵.

Таким образом, официально гласность политических дел была существенно ограничена. Приговоры ОППС не подлежали обжалованию по существу, на них допускались лишь кассационные жалобы в случае «нарушения закона» или «неправильного его толкования» при разборе дела⁶.

Кассационные жалобы подавались в большинстве политических дел, даже в тех случаях, когда было ясно, что приговор не будет обжалован, или даже когда сам обвиняемый «рвался на эшафот», как это было в деле И. П. Каляева. Кассационная жалоба Каляева ничего кассационного в себе не заключала, это был политический, а не юридический документ. Добавление к последнему слову⁷.

В большинстве случаев кассационные жалобы отклонялись. К таким судебным делам относились: дело Хаима Гершкевича в связи с оказанным им вооруженным сопротивлением при обыске и убийством производивших обыск пристава Страковича и дворника Владимирова⁸; суд над железнодорожным рабочим Максимом Катиним за убийство Тамбовского вице-губернатора Богдановича⁹.

¹ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 250.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. С. 811.

³ Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1883. С. 311.

⁴ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 249.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ См.: Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866. Ст. 1061.

⁷ См.: Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 256.

⁸ См.: Революционная Россия. 1905. № 73–74.

⁹ См.: Спиридович А. И. Партия социалистов революционеров и ее предшественники. Петроград, 1916. С. 223.

Исключениями из общей практики были дела, в которых при рассмотрении кассационных жалоб приговоры были изменены. 23 июля 1905 г. московским военно-окружным судом был вынесен смертный приговор Петру Александровичу Куликовскому. Бывший народный учитель по постановлению партии социалистов-революционеров совершил убийство московского градоначальника графа П. П. Шувалова. Поданная защитой кассационная жалоба была оставлена 11 августа 1905 г. главным военным судом без последствий. П. А. Куликовский подал московскому генерал-губернатору прошение о помиловании, мотивируя его тем, что после царского манифеста он примирился с существующим положением¹. Только после этого столь унижительного для террориста заявления смертная казнь была заменена каторгой без срока.

Для полноты картины судебных разбирательств по политическим делам данного периода необходимо отметить, что наряду с громкими политическими процессами, связанными с террористической деятельностью партии эсеров, массовый характер имели политические дела просто о принадлежности к организации социалистов-революционеров (ст. 126 Уголовного уложения)², а также связанные с распространением, печатанием нелегальной литературы (ст. 129 Уголовного уложения) и ведением противоправительственной агитации³. Слушание этих дел проходило в местных судебных палатах.

Механизм расследования политических преступлений срабатывал не всегда эффективно: у сотрудников спецслужб порой возникали сложности с доказательной базой, что часто сводило на нет усилия полиции по раскрытию политических преступлений. Поэтому рассматриваемый период отмечен обилием провокаторов и агентов, которые использовались для усиления доказательной стороны процессов и более эффективной ликвидации революционных деятелей. Например, 31 марта 1905 г. московской судебной палатой слушалось дело о тайной типографии комитета социалистов-революционеров, захваченной 23 мая 1904 г. на даче в Лосиноостровской. Типография была обнаружена благодаря провокатору. Им оказалась служащая губернской земской управы и одновременно сотрудница московского охранного отделения Спасская⁴.

В Саратовском губернском жандармском управлении были получены агентурным путем сведения «о том, что в квартире практиканта Московского инженерного училища Добротворского производится печатание на мимеографе преступных воззваний»⁵. На основании полученных агентурных данных были произведены обыски и изъятие вещественных доказательств, необходимых для возбуждения судебных дел.

Очень часто в зависимости от характера предстоявшего процесса суд получал «сверху» различные указания. Судьбы политических дел часто решались в обратной последовательности: согласно заказанному приговору формулировалось обвинение, а уже под него подгонялись «доказательства».

Все вышесказанное о положении судопроизводства в изучаемый период помогает понять и проанализировать особенности поведения и отношения политических заключенных к суду.

¹ См.: Освобождение. 1905. № 77.

² См.: Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 227.

³ Там же. С. 233.

⁴ См.: Революционная Россия. 1905. № 66.

⁵ Государственный архив Саратовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2632.

Судившиеся на политических процессах террористы (а среди них были представители всех сословий, включая рабочих, студентов, военных, десятки женщин) вели себя смело, даже перед угрозой заведомо предreshенной виселицы, удивляя самих судей своей отвагой.

Многие из них были революционными фанатиками. «К террору он пришел своим, особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву» — писал о И. П. Каляеве, убийце великого князя Сергея Александровича, его товарищ по партии, один из ее лидеров Борис Совинков¹. Другой известный террорист Егор Созонов в ответ на вопрос, что он будет чувствовать после убийства, не задумываясь ответил: «Гордость и радость... Только? Конечно, только»².

Такое поведение было вызвано психологической особенностью террористической деятельности. «Террористическая деятельность еще более культивировала преклонение перед личностью, перед героем. Она переносила центр тяжести с масс на индивидуальность. Действует террорист личность; масса пассивно получает революцию в готовом виде. Мало этого, террорист действует на виду, на глазах у всего общества...»³ Именно этим М. Л. Мандельштам объясняет не только деятельность члена партии, социалиста-революционера в жизни, но и его поведение на суде — «отсюда некоторая приподнятость его поведения»⁴.

Как правило, террористы вели себя на судебных процессах действительно героически. Как писал Л. Г. Прайсман в своем труде «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы»: «Иногда действительность преподносила сюрпризы столь дикие, что даже мрачная фантазия авторов антиреволюционных романов не могла бы породить их»⁵. Он имел в виду случай с П. Куликовским, убившим в Москве 28 июля 1905 г. московского градоначальника графа П. Шувалова. П. Куликовский «дал знать из тюрьмы, что страдает начавшимися еще в ссылке припадками нервной головной боли, доводившими его до потери сознания. Он очень боялся, что его будут допрашивать, когда он будет находиться в таком состоянии, и что он может нечаянно что-либо выдать. Считая, что его всё равно приговорят к смерти, он просил друзей по партии помочь ему ускорить смерть. После получения этого сообщения в Московском комитете партии социалистов-революционеров началась настоящая паника. М. Осоргин вспоминал: «Первое, что сделал партийный комитет при этом — это рассыпался в разные стороны»⁶. После того, как первая паника прошла, было решено согласиться с Куликовским: приготовить конфету с ядом, которую ему должна была передать его собственная дочь, которой было 5–6 лет. Интересно, что Куликовский согласился на это предложение, и только после бурных протестов М. Осоргина этот план был отменен. М. Осоргин писал: «Мы, знавшие и любившие его, решительно воспротивились этому ужасу, правильнее сказать преступлению, прежде всего по отношению к ребенку»⁷.

Трудно сейчас правильно дать оценку поведения террориста и понять, присутствовала ли временная слабость в его поведении, ведь «в делах, где впереди

¹ См.: *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 2006. С. 45.

² Там же. С. 55.

³ *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах ... С. 223.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: *Осоргин М. А.* Николай Иванович // На чужой стороне. Прага, 1923. С. 101.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же.

виднеется виселица, по-видимому, нельзя добиться, чтобы все одинаково стойко дошли до конца»¹. Неопровержимым остается только тот факт, что П. Куликовский никого не выдал.

Юридической стороной судебного разбирательства террористы интересовались мало. Они отвергали законность царского судопроизводства. Так, на вопрос П. А. Дейера: «Подсудимый, признаете ли ...?» председательствующий был прерван И. П. Каляевым — «Я не подсудимый, а ваш пленник. Мы — две воюющие стороны. Вы наемные слуги капитала...»²

В обстановке узаконенного для политических процессов беззакония подсудимые очень часто сознавали бесплодность юридической полемики с обвинением и поэтому затевали ее очень редко. Были случаи полного игнорирования суда. На процессе 15 января 1905 г. в Московской судебной палате проходил суд над Ривкиным, Езерской и Крумбюгелем, обвиняемыми в принадлежности к партии социалистов-революционеров. В журнале «Каторга и ссылка» давалось описание этого судебного заседания: «В зале суда произошло приблизительно следующее: когда “суд” вошел, все подсудимые остались сидеть. Председатель (занимая место): “Нужно встать!” Подсудимые сидят. Суд озабочен: конвойные, которые на этот раз заменяли жандармов, не знают, что делать. Крумбюгель заявляет, что его могут поднять силой — сам он не встанет...»³

Ривкин как подсудимый использует свои процессуальные права и указывает на то, что суд можно условно считать таковым. Ривкин спрашивает: «Как судьи вообще могут судить его и его товарищей. Подсудимые ведь лишены возможности вызвать свидетелей. Причем этот суд теперь!»⁴

Хотя итог судебного дела в дальнейшем не изменился, но справедливости ради нужно отметить, что прокурор, сославшись на статью, был вынужден заявить о необходимости отложить слушание дела «ввиду того, что повестки о явке в суд были вручены слишком поздно»⁵. «Суд удаляется и, вскоре вернувшись, решает отложить»⁶.

Вторично при закрытых дверях дело разбиралось 30 марта в особом присутствии той же судебной палаты с участием сословных представителей. Все подсудимые, понимая бессмысленность всего происходящего, отказались не только от защиты, но и от выступления в суде. «...И судебная комедия началась. Подсудимые все время сидели на своих местах, не обращая внимания на происходящее. Л. П. Езерская читала книгу, остальные двое тихо между собой разговаривали. При входе судей, при чтении приговора подсудимые оставались на своих местах...»⁷

Аналогичным примером может служить процесс, проходивший в Московском окружном суде 31 марта 1905 г. По делу о нелегальной типографии предстали В. В. Мазурин с товарищами Тагиным, Сухановым-Гиммер, Е. Сорока, сестрами Емельяновыми. «Все обвиняемые решили бойкотировать суд: отказались от показаний, от обвинительного акта, мешали суду говорить и требовали, чтобы их вывели. Особенно изводил судей Володя. Насмешливый и остроумный, он отпуская ядовитые реплики по адресу суда»⁸.

¹ Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. М., 1908. С. 54.

² Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах ... С. 251.

³ Каторга и Ссылка. 1928. № 12. С. 155.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 243.

В тех случаях, когда у суда не было явных доказательств, обвиняемые использовали тактику отрицания причастности ко всем обвинениям. Можно привести примеры из дел Саратовской судебной палаты. Так, на обвинения в распространении листовок подсудимый отвечал: «Листок, который он кинул в сани неизвестного крестьянина, был найден им в день задержания на улице и походил на упомянутые воззвания „ко всем трудящимся”. Бросил же он его этому крестьянину без всякого преступного намерения, а просто на „цигарку”»¹. В другом случае «привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого, Клопков не признавал себя виновным, объяснил, что никаких преступных воззваний он в Народной Аудитории не разбрасывал и даже хорошо не помнит, был ли он там вечером»²; «Обвиняемый Решетин не признавал себя виновным ни в распространении приведенных суждений среди рабочих, ни в хранении с целью распространения прокламаций „ко всем Разказовским рабочим” и объяснил, что нашел их на дороге за селом Разказово и взял домой, чтобы оклеить стены избы под шпалеры»³. Все вышеуказанные дела были прекращены на основании пункта I Высочайшего указа от 21 октября 1905 г.

Таким образом, массовость политического движения партии эсеров в период 1905 г. нашла прямое отражение в политических судебных процессах. Правительство, используя политические процессы для устрашения масс, вынося смертные приговоры по террористическим процессам, не только не остановило растущее политическое движение масс, а наоборот, способствовало росту напряжения в обществе. «Каждая смертная казнь одного политического преступника вызывает ожесточение во всех близких ему по духу и крови, а в политических его единоверцах укрепляет те роковые мысли, которые все более и более обостряют кризис. Политические волнения, как бы ни были они, по-видимому, нелепы и безумны, имеют в корне какую-нибудь идею, а идеи вырубить невозможно. История показывает нам, что во все времена и у всех народов ничто не развивало так какой-либо, хотя бы самой страшной, идеи, как смертная казнь ее последователей. Кровь есть самая лучшая почва в этих случаях»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2611. Л. 2–3 об.

² ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2643. Л. 2–2 об.

³ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2674. Л. 2–3.

⁴ *Троицкий Н. А.* Адвокат, генерал-губернатор и смертная казнь: из прошлого русской адвокатуры // Правоведение. 1970. № 5. С. 100.